

Серия «Политология. Религиоведение»
2012. № 2 (9), ч. 1. С. 120–126
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 316.7

Конфессионально ориентированные практики в российском образовании как социально-политический консенсус^{*}

С. Д. Лебедев

*Национальный исследовательский университет
Белгородский государственный университет, г. Белгород*

Статья посвящена теоретическому анализу социально-политических оснований стратегии конфессионально ориентированного образования в постсоветской России. Автор обосновывает закономерность приоритетного развития конфессионально (православно) ориентированной стратегии образовательной рефлексии над религией соотношением позиций трех основных стратегических субъектов российского образования: государства, Русской православной церкви и общественности.

Ключевые слова: образование, религиозная культура, рефлексия, светская культура, традиция.

Как известно, конец 1990-х гг. в России стал временем появления одной из наиболее дискуссионных образовательных инноваций, получившей название «конфессионально ориентированного образования» [7, с. 31]. Особенно острую и длительную общественную дискуссию вызвало развитие и активное внедрение в российской школе ее православно-христианской версии [1, с. 48–49, 54]. Сегодня, по прошествии 15 лет с первых известных попыток внедрения «Основ православной культуры» и их аналогов в средних общеобразовательных школах на уровне отдельных российских регионов, можно констатировать, что данный проект оказался жизнеспособным. Несмотря на спорный статус преподавания соответствующих предметов в свете российского законодательства, несовершенство его учебно-методического обеспечения и практической реализации, несмотря на активное и пассивное сопротивление значительной части общества, прогнозы экспертов [4, с. 31] о том, что данное направление будет активно развиваться и далее, получили свое подтверждение.

Задачей данной статьи является обоснование тезиса, согласно которому данное положение вещей закономерно с точки зрения баланса интересов основных российских социально-политических субъектов – «игроков» на поле образования.

Концепция конфессионально ориентированного образования возникла как одна из обобщающих концепций образовательной рефлексии над религи-

^{*} Статья публикуется при поддержке гранта ФГАУ ВПУ «Белгородский государственный университет» ВКГ 165-2012.

ей. Это произошло во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х гг., когда накопленный субъектами образования положительный и отрицательный опыт «возвращения религии в школу» позволил дифференцировать ответ школы на религиозный вызов времени. Конфессионально ориентированное образование представляет собой преподавание преимущественно внекультового содержания определенной конфессиональной культуры в светских учебных заведениях, сочетающее информационно-ознакомительные и воспитательные цели. «Конфессионально-ориентированное образование реализуется на стыке двух традиционно существующих образовательных систем: светской и религиозной. В соответствии со светской системой образования, оно выстраивается на базе религиоведческой компоненты социогуманитарного блока образовательного знания. В соответствии с конфессиональной системой образования акцент делается на воспитательный, ценностно-рациональный эффект транслируемого знания» [11, с. 31–32]. Данная стратегия предполагает компромисс собственно религиозного (конфессионального) и светского подходов к образованию, для чего в стране, как отмечает В. В. Сухоруков, «существуют весьма мощные социокультурные основания» [12, с. 96].

В рамках конфессионально ориентированного подхода, согласно И. В. Метлику, «образовательный потенциал изучения религиозной культуры в светской школе не сводится к просвещению только и исключительно в области информативного научно-философского или культурологического религиоведения. Он гораздо глубже и задается, прежде всего, самим содержанием религиозной культуры, ее ценностным фондом» [7, с. 67]. Ценностный же фонд религиозной культуры, в соответствии с дуальным характером ее контента, охватывающего как сверхъестественное, так и «земное», и универсальностью ее легитимаций, «включает мировоззренческие, этические, художественные, семейные, познавательные и другие ценности, которые могут быть не только “услышаны” учащимися как рациональная информация, но и в той или иной мере личностно восприняты ими» [7, с. 67]. Такое образование осуществляется на уровне, главным образом, общеобразовательной ступени, сочетая цели: 1) систематического ознакомления учащихся с (преимущественно внекультовым) содержанием православной религиозной культуры, и 2) усиления ряда наиболее актуальных и дефицитных в актуальной светской культуре ценностных ориентаций и установок, направленных на укрепление социальной солидарности: прежде всего, гражданственно-патриотической, толерантной и морально-нравственной [1, с. 53–54; 9]. Можно сказать, что оно утверждает, в качестве автономной ценности, саму конфессиональную (в данном случае православную) культуру, обеспечивая через ее вторичную статусную символизацию в светском мейнстриме источник дополнительной легитимации определенного комплекса светских ценностных приоритетов. Конфессионально (прежде всего, православно) ориентированный подход к изучению религии представляется нам приоритетным в актуальной перспективе и, с большой долей вероятности, в ближайшей исторической перспективе российского образования. Непосредственная причина этого состоит в том, что данный подход наиболее адекватно отображает баланс стратегиче-

ских интересов основных (институциональных) субъектов образования в современном российском обществе, в качестве которых выступают:

- религиозные организации соответствующей конфессии (в первую очередь – Русская православная церковь Московского патриархата), являющиеся главным инициатором данных образовательных инноваций;
- государственные структуры, выступающие «держателем» определяющего сегмента национальной системы образования;
- общественность – формирующиеся протоструктуры гражданского общества, выражающие волю целевых субъектов образования (учащихся и их родителей) как конечных потребителей «образовательной продукции».

Рассмотрим каждый из данных субъектов с позиций его интересов в контексте проблемы «религия и образование».

1. Русская православная церковь как религиозная организация объективно заинтересована в расширении своей социальной базы, в упрочении своего положения в российском обществе и, косвенно, – в мировом сообществе; в расширении своего духовного, культурного, общественного, а в инструментальном ракурсе – политического и административного влияния; в утверждении и укреплении своего авторитета как основного представителя крупнейшей и «самой традиционной» среди российских религий и конфессий. Образовательная коммуникация является для нее тем каналом, который потенциально способствует решению соответствующих задач в массовом масштабе и в долговременной (стратегической) исторической перспективе.

Вместе с тем собственных образовательных ресурсов Церкви явно недостаточно в силу их малочисленности, специализированного характера и объективно сложившегося социокультурного отрыва от мейнстрима национальной системы образования. Так, согласно статистическим данным, приводимым К. Каневским, «в 1999 г. получили религиозное образование 30 % людей старше 60 лет, 21 % людей в возрасте 50–59 лет, и только 10–12 % людей иных, более молодых возрастных групп. Таким образом, религиозное образование в конфессиональных учебных заведениях не является серьезным источником воцерковления для РПЦ. Оно способно обеспечить, в лучшем случае, сохранение уже имеющегося небольшого контингента активных верующих. Получение РПЦ возможности ввести преподавание религиозных дисциплин в светской школе позволит переломить негативную для нее тенденцию к ослаблению источников воцерковления» [4, с. 28]. Соответственно, с позиций церковных интересов, массовая (светская) школа представляет потенциально влиятельный миссионерский канал, специализирующийся на контингенте детского и подросткового возраста, с практически 100 %-м охватом соответствующей категории населения и требующий минимальных затрат на реализацию.

2. Государство, испытавшее после распада Советского Союза и дезавуирования коммунистической идеологии глубокий кризис легитимности, с самого начала относилось к Церкви в лице РПЦ МП как значимому источнику своей легитимации. Историческая «надежность» данного источника, его высокий социальный и культурный авторитет и активное позиционирование

РПЦ в качестве такового, в сочетании с отсутствием сопоставимых по масштабу и символическому капиталу конкурентов, в условиях подъема прорегиональных и процерковных социальных настроений привело к формированию «блока» позиций государственных и церковных структур на уровне центра и регионов.

Следует признать, что до некоторой степени заинтересованность постсоветских государственных структур в таком сотрудничестве определяется необходимостью совместного противостояния тенденциям социальной аномии и культурной деградации, поразившим российское общество в постсоветский период. Главная же и непосредственная движущая сила практического интереса государства к нему состоит в том, что церковь «продолжает играть исключительную роль в воспроизводстве такого политического ресурса, как авторитет, влияние, имидж, что делает церковь важным участником борьбы общенационального значения за накопление, удержание и распределение власти» [2, с. 6]. По этой причине государственные субъекты заинтересованы в определенных образовательных уступках церковным структурам (в ограниченных и контролируемых масштабах) при сохранении контроля над основным содержанием и формами образования.

3. Наконец, позицию широкой общественности по вопросу о внедрении религиозных инноваций в систему массового светского образования следует признать неоднозначной. Тем не менее, тенденция общественной поддержки соответствующих церковных инициатив достаточно заметна и признается не только их сторонниками. Так, ведущими специалистами отмечался «действительный уровень общественного мнения в области религиозного и религиозно-научного образования в последние 5–7 лет, убедительно свидетельствует система религиозного образования, возникшая практически на пустом месте и включающая сегодня в себя все известные ступени: от детского сада до высших духовных учебных заведений» [3, с. 33]. Что же касается вопроса внедрения конфессионально ориентированных предметов в собственно светскую школу, то, согласно данным некоторых всероссийских социологических исследований, введение в российских школах предмета «Основы православной культуры» в 2006 г. одобряли 61 % опрошенных (из них 18 % одобряли его преподавание в рамках обязательной программы) [10]. Согласно исследованию ИСПИ РАН 2010 г. (Центральный регион России), проведенному при участии автора, модуль «Основы православной культуры» в учебном курсе «Основы религиозных культур и светской этики» выбрали бы для своего ребенка 49,1 % респондентов.

Соответственно, третий основной субъект, представленный общественностью (прежде всего – учащимися и их родителями как целевым субъектом образования), в своей значительной части склоняется к тому, чтобы поддерживать образовательные инициативы церкви и государства [7, с. 119, 121; 8, с. 109–110]. Как отмечал М. П. Мчедлов, «этому способствует много факторов, в том числе общественная нестабильность, затяжной моральный и социальный кризис, отсутствие понятых и принятых народом светских концепций выхода из него, историческая память народа о патриотической деятельности

церкви в самые трудные переломные периоды, выступление конфессий в защиту прав и достоинства людей обездоленных..., против распространившихся отрицательных явлений – бездуховности, цинизма, коррупции, наркомании и т. п.» [8, с. 16]. Конфессионально ориентированные предметы поддерживаются общественностью в той мере, в которой общественное мнение связывает их с преодолением ситуации социальной катастрофы и связанного с ней «аварийного» качества жизни.

Таким образом, равнодействующая интересов указанных выше трех основных стратегических субъектов российского образования логически предопределяет характер образовательного мейнстрима религиозоведческой рефлексии как компромисса целей светских и религиозных акторов образования. В силу установившегося «баланса услуг» с государством, Церковь и поддерживающие ее общественные структуры получают официально санкционированный и широкий доступ к наиболее массовому каналу образования – средней общеобразовательной школе, что многократно снижает затраты в сравнении с перспективой выстраивания «параллельной» массовой системы религиозного образования и вовлечением в нее светского большинства. Однако прямая катехизация и религиозное обучение в массовой школе наталкиваются на стратегические (положения Конституции и федеральное законодательство) и тактические решения государственной власти, направленные на сохранение светского характера общественных отношений, государственности и собственно образования как status quo социокультурной ситуации. Не менее важным фактором является культурное сопротивление, выражающееся в отсутствии достаточной мотивации к сугубо конфессиональному образованию у основной массы школьников и их родителей. В то же время государство заинтересовано в идеологической и символической поддержке церковных структур, а широкое общественное мнение в целом благожелательно настроено к РПЦ МП, православию и ассоциируемым с ними консервативным ценностям [13, с. 19–20]. Указанный стратегический баланс интересов на фоне светского социокультурного мейнстрима обуславливает приоритет конфессионально ориентированной стратегии образовательной рефлексии над религией.

1. Белова Т. П. Религия как институт гражданского общества / Т. П. Белова. – Иваново, 2012. – 108 с.

2. Зайченко А. Авторитет как политический ресурс церкви // Религия и право. – 2003. – № 4. – С. 6–8.

3. Зуев Ю. П. Развитие религиозоведческого образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации (Аналитический материал) / Ю. П. Зуев, Т. А. Кудрина, Р. А. Лопаткин, Ф. Г. Овсиенко, Н. А. Трофимчук // Религиозное

1. Belova T. P. Religion as an institution of civil society / T. P. Belova. – Ivanovo, 2012. – 108 p.

2. Zaichenko A. The authority of the Church as a political resource // Religion and law. – 2003. – N 4. – P. 6–8.

3. Zuev Y. P. Development of Religious Education in state and municipal educational institutions of the Russian Federation (Analytical review) / Y. P. Zuev, T. A. Kudrina, R. A. Lopatkin, F. G. Ovsienko, N. A. Trofimchuk // Religious Education : collected reviews and

образование : сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Л. В. Скворцов ; сост. И. В. Девина – М. : ИНИОН РАН, 2002. – С. 5–72.

4. Каневский К. Взаимоотношения светской школы и религиозных объединений: правовой аспект // Религия и право. – 2005. – № 2. – С. 28–31.

5. Лебедев С. Д. Религиозная культура в светском образовании (региональный аспект) / С. Д. Лебедев, В. В. Бахареv // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. – 2008. – № 14 (54), вып. 6. – С. 117–126.

6. Менишиков В. М. Преподавание православной культуры в школе: опыт Курской области // Религия и школа в современной России: документы, материалы, выступления / сост. и ред.: д-р социол. наук М. Н. Белогубова, канд. пед. наук И. В. Метлик, канд. филос. наук А. В. Ситников. – М. : Планета 2000, 2003. – С. 109–110.

7. Метлик И. В. Религия и образование в светской школе: Монография / И. В. Метлик. – М. : Планета-2000, ППЦ «Пересвет», 2004.

8. Мchedlov M. Об особенностях мировоззрения верующих в постсоветской России // Религия и право. – 2002. – № 1. – С. 15–17.

9. Никандров Н. Православные традиции, семья и школа в современной России. – URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193319731&archive=1196814959&start_from=&ucat=&

10. Нужны ли «Основы православной культуры» современной школе? – URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/420/nuzhny-li-osnovy-pravoslavnoj-kultury-sovremennoj-shkole/>

11. Реутов Н. Н. Социокультурные практики интеграции светского и религиозного образования : монография / Н. Н. Реутов. – Белгород : Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2009.

12. Сухоруков В. В. Религиозный фактор трансформации российского образования // Социология религии в обществе Позднего Модерна : материалы Рос-

abstracts / chief ed. L. V. Skvortsov ; comp. I. Devina. – М. : INION Academy of Sciences, 2002. – P. 5–72.

4. Kanevskiy K. The relationship of secular schools and religious organizations: the legal aspect // Religion and Law. – 2005. – N 2. – P. 28–31.

5. Lebedev S. D. Religious education in a secular culture (regional aspect) / S. D. Lebedev, V. V. Bakharev // Scientific Bulletin of the BSU. Philosophy. Sociology. Law. – N 14 (54). 2008. – N 6. – P. 117–126.

6. Menshikov V. The teaching of Orthodox culture in schools: experience of the Kursk region // Religion and School in Modern Russia: documents, reports, speeches / comp. and ed. by dr. of Sociology M. N. Belogubova, cand. of Pedagogical Sciences I. V. Metlik, cand. of Philosophical Sciences A. V. Sitnikov. – М., 2003. – N 14 (54). – P. 109–110.

7. Metlik I. V. Religion and education in secular schools: Monograph / I. V. Metlik. – М. : Planeta-2000, «Peretsvet», 2004.

8. Mchedlov M. On peculiarities of the church people's world-view in the Post-Soviet Russia // Religion and Law. – 2002. – N 1. – P. 15–17.

9. Nikandrov N. Orthodox traditions, family and school in Russia. – URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193319731&archive=1196814959&start_from=&ucat=&

10. Does modern school need «Theory of Orthodox Culture»? – URL: <http://www.superjob.ru/research/articles/420/nuzhny-li-osnovy-pravoslavnoj-kultury-sovremennoj-shkole/>

11. Reutov N. N. Social and cultural practices of integration of secular and religious education : Monograph / N. N. Reutov. – Belgorod : Publishing house of the BSTU of V. G. Shukhov, 2009.

12. Sukhorukov V. V. The religious factor in the transformation of the Russian education system // Sociology of Religion in Late Modern Society : Materials of the Russian scientific conference with

сийской научной конференции с международным участием / науч. ред. С. Д. Лебедев. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С. 94–96.

13. Фурман Д. Е. Религиозная стабилизация. Отношение к религии в современной России / Д. Е. Фурман, К. Каарияйнен // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 7. – С. 19–31.

international participation / ed. S. D. Lebedev. – Belgorod : Publishing house «BSU», 2011. – P. 94–96.

13. Furman D. E. Religious stabilization. The attitude towards religion in the contemporary Russia / D. E. Furman, K. Kaariaynen // Svobodnaya mysl–XXI (Free Thought – XXI). – 2003. – N 7. – P. 19–31.

Religiously-Oriented Practices in the Russian Education System as Social and Political Consensus

S. D. Lebedev

Belgorod State University for National Research, Belgorod

The article deals with analysis of socio-political grounds of the religiously oriented education policies in post-Soviet Russia. The author proves the regularity of priority of the development of confessional (Orthodox) oriented strategy of educational reflection on religion throughout the correlation of the three strategic subjects of the Russian education: the state, the Russian Orthodox Church and the community.

Key words: education, religious culture, reflection, secular culture, tradition.

Лебедев Сергей Дмитриевич – кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, 308036, г. Белгород, пер. Юрьевский, 4, 8(4722)53-63-97, e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Lebedev, Sergey Dmitrievich – Candidate of Sociological Sciences, Professor of the Department of sociology and management of social work with the youth, the Belgorod State University for National Research, 308036, Belgorod, lane Yurievskiy, 4, phone 8(4722) 53-63-97, e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru